

Обзорная статья

УДК 141.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.7

ОБ УПАДКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИЙ РАННЕЙ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Бугаев М. К.

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия,

max7090@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9050-2060>

Аннотация. В современных условиях глобализма, сциентизма и технократии, больше всего свойственных европейской культуре, человек постепенно утрачивает свой телос. Его мышление становится все более подвержено предрассудкам, а исходящие изнутри ценностные ориентиры все больше стираются, заменяясь на навязываемые извне шаблоны. В связи с этим возникает острая необходимость решительного пересмотра основ претерпевающего кризис европейского рационалистического мировоззрения. В данной статье предпринимается попытка философского переосмысления проблемы аксиологического кризиса европейского архетипа человека через призму феноменологии. Подразумевающий выключение из картины мира излишних компонентов, феноменологический подход строго иррационален, что делает его полезным методом мировоззренческого очищения, возвращения к нулевой точке с целью последующей переработки всей системы ценностей как индивида, так и общества в целом.

В качестве предмета критической оценки выступает исторически свойственная европейской культуре рациональность, а также вытекающие из нее явления в философии, науке, религии и политике. Основной целью работы является обзорное рассмотрение главных аксиологических аспектов европейского рационализма в историческом контексте с позиций как классиков феноменологии (Ф. Brentano, Э. Гуссерль), так и предтеч данного направления (Ф. Ницше, У. Джеймс), а также выявление предложенных философами феноменологических приемов решения этических проблем.

© Бугаев М. К., 2024

В результате проведенного исследования выявлено, что указанный метод действительно актуален в наши дни, поскольку современный европейский человек все больше объективируется, субъектно-субъектные отношения становятся все менее наличными. Данная тенденция подчеркивает как явное нарушение ценностных оснований общества, так и необходимость их феноменологического пересмотра.

Ключевые слова: европейский человек, рационализм, феноменология, прагматизм, кризис, ценностные основания, истина, установка

Для цитирования: Бугаев М. К. Об упадке европейской рациональности с позиций ранней феноменологической традиции // Вестник МГПИУ. Серия «Философские науки». 2024. № 2 (50). С. 86–101. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.7

Review article

UDC 141.7

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.7

ON THE DECLINE OF EUROPEAN RATIONALITY FROM THE STANDPOINT OF THE EARLY PHENOMENOLOGICAL TRADITION

Maxim K. Bugaev

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia,
max7090@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9050-2060>

Abstract. In the modern conditions of globalism, scientism and technocracy, which are most characteristic of European culture, man is gradually losing his purpose. Thinking is becoming more and more subject to prejudice. The value orientations coming from within are becoming more and more blurred, replaced by externally imposed patterns. In this regard, arises an urgent need for a decisive revision of the foundations of the European rationalist worldview that is undergoing the crisis. This paper attempts to philosophically rethink the problem of the axiological crisis of the European archetype of man through the prism of the phenomenological trend in philosophy. The phenomenological approach, which implies excluding unnecessary components from the worldview, is strictly irrational, which makes it a useful method of ideological purification, enabling a return to the zero point in order to rebuild the entire value system of both the individual and society as a whole.

The subject of critical assessment is the rationality, which is historically characteristic of European culture, as well as the phenomena arising from it in philosophy, science, religion and politics. The main purpose of the article is to review the main crisis-provoking axiological aspects of European rationalism in a historical context from the standpoint of both the classics of phenomenology (F. Brentano, E. Husserl) and the forerunners of this trend (F. Nietzsche, W. James), as well as to identify the advantages of the phenomenological methods proposed by the mentioned philosophers in solving certain ethical problems.

The conducted research showcases the relevance of the phenomenological method in the modern days, as due to the historically developed rationalistic axiology, modern European man is becoming more and more objectified, subject-subject relations continuing to disappear. This tendency emphasizes both the clear disruption of the social value foundations and the need for their phenomenological reassessment.

Keywords: European man, rationalism, phenomenology, pragmatism, axiological crisis, value grounds, truth, attitude

For citation: Bugaev, M. K. (2024). On the decline of European rationality from the standpoint of the early phenomenological tradition. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (50), 86–101. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.50.2.7>

Когда уничтожено будет учение, то печали не будет.

Лао-Цзы, «Тао-те-кинг»

Постановка этической проблемы кризиса европейского рационализма

Общепризнано, что первые попытки концептуализации европейского человека путем его умозрительного выделения из бытия в целом коренятся в эпохе Античности, а именно в классической древнегреческой философии. Уже Сократ в качестве объекта познания начинает рассматривать не отвлеченные принципы устройства мироздания, а нечто вполне конкретное — человека. В приписываемой ему максиме «Познай самого себя», как нам видится, во взаимосвязи отражены два основных компонента модели европейского человека. Рациональное умозрительное познание (ибо только так и возможно знание о духе) преподносится Платоном как главный аксиологический фундамент грека, что видно в логической структуре самой максимы: императив «познай» делает ее моральным суждением. С тех пор как европеец впервые осознал себя, самопознание стало представлять для него высшую ценность и его главным плодом считалось знание должного. В душе, как считал Платон, содержатся все необходимые ресурсы для раскрытия всего неизвестного, будь то законы природы или добродетели. Идеальное государство, по мнению афинянина, возможно создать только при том условии, если каждый гражданин направит свою душу внутрь себя и получит осознанное представление о благе полиса и собственном в нем предназначении. Позднее Аристотель переосмысляет еще и досократическое понятие первопричины (*ἀρχή*), делая его не только онтогносеологически, но и этически наполненным. Согласно этическим трудам стагирита, данная категория связана уже не только с монолитным бытием, но и с выделенным в нем человеком, его ролью в универсуме, т. е. призвана дать ответ «на вопрос о месте человека в мире детерминации, всеобщей причиненности, о возможности его бытия как самого себя, то есть не того, кто причинен другим и другими, кто способен предпочесть свое в себе» [Зубец, 2019, с. 51].

Впоследствии заложенная классическими античными мыслителями установка, абсолютизирующая ценность рационального познания как внешней, так и внутренней природы, экстраполировалась на всю европейскую культуру, что выразилось, прежде всего, в развитии философии, научной и политической мысли. Все перечисленные виды теоретической деятельности немислимы без объединяющей их понятия истины. Доминирующее на протяжении истории классическое понимание истины можно выразить как соответствие представлений о бытии самому бытию, однако какие основания могут быть у европейца, чтобы считать это соответствие тождеством? Почему познание и выдумывание объяснительных моделей — не одно и то же? И, наконец, к чему европейскую цивилизацию привел нескончаемый поиск истины — натуралистическая установка, догматично велящая объяснять одни модели через другие? Далее мы постараемся найти ответы на эти вопросы, приняв точку зрения и методологию ранней феноменологической традиции.

Спровоцированная в том числе условиями техногенной цивилизации рационализация картины мира человека, в центре которой поставлено сугубо научное мировоззрение, породила антропологический кризис, для преодоления которого сама природа рациональности нуждается в пересмотре [Терехин, 2022]. В этой связи, на наш взгляд, большое этическое преимущество феноменологического метода состоит в том, что он открывает перспективу непосредственного взаимодействия с бытием, его «схватывания», тем самым изобличая все недостатки догматизма, натурализма и науковерия европейца, которому, подобно рыбе, «не дано понять, что же люди называют водой» [Сokol, 2012, с. 111]. Следует оговориться, что феноменология как метод, по нашим наблюдениям, не сводится к учению Эдмунда Гуссерля. В данной работе мы будем его трактовать наиболее широко: как мировоззренческую установку, позволяющую преодолеть рациональное посредством очевидного.

Оформление проблемы к концу XIX в.:

Ницше и Джеймс

Иррационалистические тенденции в европейской философии начали проявляться уже в первой половине XIX в.: Ф. Шеллинг отождествил финальную фазу философии с искусством, А. Шопенгауэр осуществил эклектику немецкого идеализма с буддизмом и индуизмом, С. Кьеркегор в центр своей философии поставил религиозный опыт человека. Однако первым мыслителем, кто целенаправленно выступил против европейского рационализма, был Фридрих Ницше. Историко-философская конвенция не приписывает Ницше статус феноменолога, однако мы все же будем рассматривать его как явную предтечу данного направления. Эта позиция отнюдь не нова: ее занимает, к примеру, А. Рехберг — главный редактор сборника «Ницше и феноменология» [Rehberg, 2011, с. 1–18] (здесь и далее перевод наш. — М. Б.). Того же мнения

придерживается и Дж. Марсден — автор одной из статей сборника. Комментируя заметки Ницше о метеочувствительности, Марсден пишет: «То, что преподносится как воплощение *данного* [по мнению Ницше], всегда предопределялось главенствующими идеями о том, что составляет знание» [Rehberg, с. 73]. Не стоит забывать еще и о том, что сам Ницше позиционировал себя как психолог и зачастую подходил к критике рационализма с околофеноменологических позиций: «<...> “вещь”, в которую мы верим, *изобретена* лишь в качестве основы для различных предикатов» [Ницше, 2022¹, с. 385], то есть вещей в гераклитовском смысле нет — есть лишь выраженная в аффектах воля к власти.

Персонализм и волюнтаризм Ницше во многом стал реакцией на утопические просветительские проекты И. Канта и Ж.-Ж. Руссо, что замечается и в отечественной научно-философской среде: «<...> рациональный гуманизм становится объектом критики Ф. Ницше именно по той причине, что научная рациональность поглотила гуманизм, превратила его в инструмент порабощения человека» [Кампос, 2010, с. 23]. Действительно, в начале XIX в. рационализм в Европе начал плодить наивные и слабореализуемые идеи. К примеру, Кант проработал политическую теорию вечного мира между странами — кульминации рационально ориентированного социального прогресса — а также в конце статьи «Ответ на вопрос: “Что такое просвещение?”» упомянул, что человек «*есть нечто большее, чем машина*» [Кант, 2023, с. 60]. Однако это «нечто», будь то носитель категорического императива (или, как в случае антропологии Руссо, «благородный дикарь») по сей день так и осталось продуктом глубокой абстракции — по большей части, метафизическим и телеологическим конструктом, имеющим немного общего с действительностью [Гаджикурбанов, 2023, с. 6]. Либеральный эгалитаризм казался Ницше средством неестественного подавления индивидуальности и воли.

Объектом критики Ницше стал и наукоцентричный характер европейского Просвещения, так как, по его мнению, наука уже на тот момент утратила даже свои первоначальные принципы, приняв на себя роль социально-политического инструмента. Теперь, вместо того чтобы объяснить мир, наука стремится «доставить человеку как можно больше удовольствий и как можно меньше неприятностей» [Ницше, 2021, с. 45]. Примечательно еще и то, что для Ницше неудовлетворительной видится уже упомянутая классическая концепция истины. Так, в «Сумерках идолов» ее критике посвящены четыре тезиса, второй из которых провозглашает: «...“истинный” мир построили из противоречия действительному миру вот в самом деле кажущийся мир, поскольку он является лишь *морально-оптическим обманом*» [Ницше, 2021, с. 257]. Истина в классическом понимании — всего лишь продукт обмана разумом самого себя (или человека) посредством конструирования системы представлений или высказываний, и эффект этого обмана удваивается, когда за истину,

¹ Из книги «Воля к власти».

вопреки метаэтическому принципу Юма, выдается моральное умозаключение. В суждении об истине, как, впрочем, и во всем, по Ницше, должен действовать принцип практичности, т. е. жизненной пользы. В этом отношении истинным может быть как суждение, так и явление окружающего мира. Здесь хрестоматийным примером служит религия христианства, которую философ не считал истинной, поскольку та породила мораль рабов и декаданс человечества.

Как бы то ни было, мы убеждены, что не следует трактовать концепцию смерти Бога исключительно как аргумент против европейской морали, основанной на церковной ортодоксии. Другой аспект такого видения мира чисто дескриптивен и намекает на серьезную брешь в европейской системе ценностей: Бог не умер сам — его убили люди, а точнее, исторические формы их жизни: ренессансный антропоцентризм, развитие наук Нового времени и либеральный рационализм Просвещения. Если раньше при любом, даже малейшем выборе в голову европейцу невольно приходили десять заповедей и он принимал решение, исходя из Божественной награды или наказания, то сейчас этих абсолютных законов нет, наука и право снова и снова себя дискредитируют, а сверхчеловеком каждому сделаться крайне затруднительно. Мы видим, что около двухсот лет назад европейский человек потерял именуемый Богом аксиологический ориентир и до сих пор силится его найти.

Без сомнения, у такого стилистически нестроного и мало последовательно-го философа, как Ницше, сложно увидеть четкую философскую систему, тем не менее в целом, как мы полагаем, его антирационалистический и во многом феноменологический проект резюмируется в его финальной работе «Воля к власти», где свою более раннюю дихотомию *ложно-истинного рационального* и *истинного чувственного мира* немец выражает как дихотомию *отвергнутого* и *истинного/ценного мира*, тем самым показывая пресыщение европейца рациональностью и ее отторжение: «“Отвергнутый мир” противопоставляется искусственно воздвигнутому “истинному, ценному”... высшее разочарование в нем обосновывает его негодность» [Ницше, 2022, с. 45].

На похожих позициях стоит и американский современник Ницше Уильям Джеймс. В одной из своих центральных работ, посвященной феноменологии религии, Джеймс схожим образом критикует медицинский материализм, утверждая, что такой подход принципиально не дает ответы на вопросы, связанные с состоянием духа или системой ценностей [Джеймс, 2022², с. 28–30]. Философ предлагает не углубляться в поиски таких ответов, указывая на практическую самодостаточность религиозного опыта, который сам по себе ценен и полезен. Здесь Джеймс употребляет выражение «душевный отдых» (*moral holiday*). Натурализм, по его мнению, напротив, вгоняет человека в тоску и ведет к пессимистическому мировоззрению: «Зачатки пессимизма лежат в корне всякой чисто позитивной, агностической или натуралистической философии»

² Из книги «Многообразие религиозного опыта».

[Джеймс, 2022³, с. 144]. Этическое преимущество постановки религиозно-мистического опыта в центр религиозных практик, в том числе применительно к русскому православию, отмечают и отечественные исследователи, такие как П. В. Хондзинский [Хондзинский, 2023].

Очевидно, что феноменологический прагматизм Джеймса во многом резонирует взглядам Ницше, из чего можно сделать вывод о том, что прагматический метод, зародившийся примерно в одно время с феноменологическим, послужил своего рода аксиологическим дополнением последнего. Действительно, для того чтобы применить принцип *ἐποχή*, выйти из конформизма и попытаться взглянуть на мир в его фундаментальной явленности, не боясь осуждения, необходима некая мировоззренческая склонность к здравому скепсису, и прагматизм как раз дает такой стимул. Вряд ли человек, страдающий от предрассудков или (и) имеющий ярко выраженную естественно-научную или религиозную установку, способен на чисто феноменологическое мировосприятие. Непрагматику, по-видимому, не дано ответить на, пожалуй, основополагающие феноменологические вопросы, а именно: «Почему вообще что-то есть?» и «Что есть что-то?». Его обработке доступны лишь логические и телеологические смыслы, но никак не ноэматические, он может постичь смыслы слов и вещей, но никак не явлений, хотя именно последние дают нам те смыслы, которые, будучи схватываемы без помощи *ratio*, конституируют нашу систему ценностей: феномен любимого человека, феномен дела всей жизни, феномен домашнего животного, феномен Бога и т. д. Можно сказать, что прагматизм является первым этапом выхода из клетки европейского мышления, шагом, который необходимо предпринять в интересах сохранения целостной системы ценностей. Джеймс дает следующую характеристику прагматисту: «Прагматист решительно, раз и навсегда отворачивается от целой кучи застарелых привычек, дорогих профессиональным философам... Он обращается к конкретному, к доступному, к фактам, к действиям, к власти» [Джеймс, 2022⁴, с. 37]. Если трактовать данную характеристику не с философско-научной точки зрения (как Джеймс и делает), а с экзистенциальной, то «конкретное» и «доступное» суть те смыслы, которые очевидно даны человеку в силу одной его способности жить. Стоит также добавить, что изложенный прагматический скептицизм, на наш взгляд, стоит принципиально отличать от морального релятивизма и морального скептицизма, поскольку первый носит исключительно субъективный, несоциальный характер и предназначен для выявления новых, не замутненных стереотипами мотивов, выступая, скорее в качестве метода, нежели позиции: «<...> аргументация, связанная с обоснованием морали, должна убедить морального скептика не просто совершать морально одобряемые поступки..., но и приложить усилия для развития в себе моральных мотивов» [Прокофьев, 2020, с. 34].

³ Из книги «Многообразие религиозного опыта».

⁴ Из книги «Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления».

Чувствуем необходимым также заметить, что Джеймс закрепляет предложенное Ницше и Пирсом принципиально новое толкование истинности как полезности, которое можно рассматривать как своего рода промежуточную стадию в переходе от рациональной истины в корреспондентном смысле до такого состояния бытия, которое Мартин Хайдеггер окрестил парменидовским словом ἀλήθεια (дословно «несокрытость») [Хайдеггер, 2009, с. 32] и которое схватывается непосредственно, не нуждаясь в рациональном моделировании. Это размышление наталкивает на идею Ницше о том, что человек — это канат, натянутый от зверя до сверхчеловека. Сверхчеловек же наивен, как ребенок, и ему несвойственно приходить к истине логически или диалектически — бытие открыто ему таким, какое оно есть.

Углубление в проблему с позиций трансцендентальной феноменологии и философии науки: Брентано и Гуссерль

Более четко проблему аксиологического кризиса рационалистической европейской цивилизации обозначил Франц Брентано, которого принято называть одним из отцов феноменологического направления. Именно Брентано, по нашему мнению, одним из первых рассмотрел поставленную нами проблему с метафилософских позиций, попытавшись найти исторические изъяны в философской парадигме, действовавшей на стыке XIX и XX вв. Так, в одном из своих докладов австриец выделяет четыре условные фазы развития, несколько раз повторившиеся в европейской философии от Античности до конца немецкого идеализма. Первый период, пишет философ, всегда характеризовался «живым и чисто теоретическим интересом», а также «естественным в своей сущности методом» [Брентано, 2018, с. 37]. Далее в отношении эпистемических истин неизменно назревал скепсис, который затем перерастал в признание невозможности познания как такового. На четвертой же стадии неудовлетворенное скептицизмом общество с удвоенной силой стремилось возродить веру в познание, причем так, что начинало упиваться «мнимым обладанием самых возвышенных истин, далеко превосходящих все человеческие способности» [Брентано, 2018, с. 38].

Историко-философские наблюдения подтверждают слова Брентано: каждый большой исторический период заканчивался скептически ориентированным учением, которое стремилось разрушить большую часть теоретического знания, созданного в этот период, а затем рождалась новая философия как ответ скептицизму. Секст Эмпирик выступил против всей античной гносеологии, после чего был опровергнут Августином; Юм заявил о бессмысленности важнейшей картезианской дихотомии материи и духа, после чего был опровергнут Кантом, и так далее. Данные примеры наглядно демонстрируют зыбкость и недолговечность европейского рационалистического подхода. Брентано считал,

что философия его времени находилась в своего рода унынии и представлялась в массах как провербиальное переливание из пустого в порожнее. Австрийский феноменолог уверен, что философия утратила свою цель, погрязнув в поиске ответов на то, что не дано человеческому восприятию: «Это следствие того, что она часто еще и не имеет ясного представления о границах возможного познания и о правильном способе, каким она должна ставить свои вопросы» [Брентано, 2018, с. 31].

Брентано предлагает для философии более практически ориентированную цель: изучение опыта через непосредственно конституирующие его элементы: образы и их переживания. Действительно, наше мировосприятие не сводится к познанию мира через логическое мышление. Брентано дает понять, что образы суть продукт интенциональной направленности мысли человека в дологической, эндопсихической, иррациональной, своего рода чистой форме мышления, которое подлежит изучению не натуралистически устроенной психологии вообще, а ее раздела — психогнозии, которая, «даже достигнув наивысшего совершенства, не будет ни в одной своей концепции каким-либо образом ссылаться на физико-химический процесс» [Брентано, 2018, с. 162]. Как бы подхватывая антинатурализм Ницше, австрийский мыслитель также отказывается от концепта вещи, объявляя дихотомию предмета и содержания лишенной смысла: «Позиция Брентано заключалась в том, что никакого “содержания” представления быть не может, а его ученики один за другим практически все так или иначе проводили различие между содержанием и предметом» [Селиверстов, 2021, с. 84].

Интенциональное мышление выхватывает феномен таким, каким он явлен, что исключает необходимость соотносить так называемую вещь со всеми ее свойствами и сконструированное представление о ней. В этом мы как раз видим главную аксиологическую заслугу феноменологии Брентано: развенчание мифа о познаваемом имманентном как фундаментальном и абсолютно ценном бытии. На самом деле есть и другое, трансцендентное бытие, которое, хоть и непознаваемо в традиционном смысле, но по-картезиански очевидно. В самом деле, концепция интенциональности Брентано во многом повторяет концепцию естественного света (*lux naturalis*) Рене Декарта. В диалоге «Разыскание истины» Картезий недаром рисует победителем Эвдокса, который ценит естественный свет и довольствуется лишь теми выводами, в которых нельзя сомневаться. Начитанный Эпистемон, напротив, находится под тяжелым бременем своих знаний, которые в полном объеме не могут быть истинными и вынуждают его бесконечно искать ответы [Декарт, 2022, с. 65–70]. К Декарту и очевидности нередко апеллируют и представители ранней немецкой феноменологии: к примеру, в труде «Научная философия и философия предрассудков» Брентано, ссылаясь на картезианство, отмечает, что «очевидность может проистекать только из очевидности» [Брентано, 2018, с. 99]. Выражая данную цитату этически, можно сказать так: «Не следует доказывать то, что дано нам и не подлежит сомнению, ведь данность самодостаточна».

Остановимся на цитате Brentano подробнее, держа в уме центральную работу главной фигуры феноменологии в лице Эдмунда Гуссерля, а именно «Логические исследования», в которых ставится цель отыскать основополагающие законы интенционального мышления (что Гуссерль позднее назовет *ноэзисом*), предшествующие логике как таковой. В этом труде Гуссерль критикует *логический психологизм* [Гуссерль, 2000, с. 64–114], утверждая, что логика действует сообразно одним законам, а чистое мышление (чистая логика) — сообразно другим: «реальные законы отличаются от идеальных тем, что первые доступны познанию через наблюдение над частными случаями, <...> вторые — за счет их несомненной очевидности» [Антух, 2016, с. 219]. Осмелимся дополнить гуссерлевскую критику возражениями против логицизма, предварительно ссылаясь на наш тезис о самодостаточности очевидности. В работе «О смысле и значении» Готлоб Фреге, как нам кажется, повторяет всю ту же аксиологическую ошибку, что допускали уверовавшие в разум европейские философы до него: «предложение формы $a = b$ очень часто содержит ценное расширение нашего знания», что, по мнению логика, принципиально отличает его от аналитического суждения формы $a = a$ [Фреге, 2022, с. 230]. Фреге видит ценность в приобретении нового знания, которое, не побоимся сказать, меркнет в сравнении с осознанием очевидной самоданности и самождественности того, что имеет сильное ноэматическое наполнение, а значит, и должно оставаться самождественным в глазах человека. Иными словами, знание о том, что «Кока-Кола» и «Пепси» — один и тот же напиток, с этической точки зрения существенно уступает переживаемому ощущению того, что человек, которого мы любили вчера, это и есть наш любимый человек сегодня, уже не говоря об условности умозрительного уподобления и безусловности схватываемой данности.

Одно из главных достижений Гуссерля на феноменологическом поприще состоит в окончательном изменении смысла имманентного. Если у Канта это *вещь – для – нас*, которая дана нам в опыте, а вместе с тем познаваема, то Гуссерль понимает имманентное как открывающийся в результате *étoхé* *жизненный мир*, мир переживаний, свободный от всяких идеаций и противоположный миру естественному. В «Идеях» он пишет, что вещь, напротив, трансцендентна, поскольку не может быть частью нашего сознания, в отличие от ноэмы. «Таким образом, выступает основополагающее сущностное различие между бытием как переживанием и бытием как вещью» [Гуссерль, 2009, с. 126]. Данным различием, мы считаем, Гуссерль придал имманентному новый, аксиологический смысл, который впоследствии старались развить герменевтические феноменологи и экзистенциалисты после него. Вместе со значением имманентности Гуссерль меняет и значение смысла: феноменологический смысл (что, пожалуй, возможно отождествить с понятием «ноэма» [Шиян, 2023, с. 34]) теряет связь с *ratio* и предстает в качестве непосредственно воспринимаемой предметности, конституирующей смысловое сознание. Такого рода смысл не подлежит сомнению, поскольку «Я» и ноэма соединяются в неразрывное трансцендентальное целое.

Не обошел стороной Гуссерль и вопрос о кризисе европейских наук и вытекавшим из него кризисе европейского человека, чему были посвящены два одноименных доклада [Гуссерль, 2000]. Здесь стоит пояснить, что значительная часть творчества философа пришлась на время великих потрясений, спровоцированных Первой мировой войной. После ее окончания, как, впрочем, и по ее ходу, было ясно, что Европа переживала глубокий ценностный регресс, который находил выражение как в науке, так и в повседневной жизни. Таким образом, в «Статьях об обновлении» Гуссерль критикует этноцентризм — одну из главных проблем разобщенности европейских наций [Лаврухин, 2014, с. 318]. Средством от национальных и этнических предрассудков немец видит так называемое обновление (Erneuerung) — преодоление предвзятых установок через феноменологию [Лаврухин, 2014]. В «Кризисе европейского человечества» неоднократно подчеркивается, что зараженная натурализмом европейская наука зашла в тупик, что становится наглядным на примере смешивания принципиально разных наук о природе и о духе: «Рассматривать природу окружающего мира как нечто в себе чуждое духу и поэтому подстраивать под науки о духе, желая сделать их якобы точными, естественно научный метод — абсурдно» [Гуссерль, 2000, с. 630]. В заключении к докладу Гуссерль замечает, что такой кризис симптоматичен и противоестественен, поскольку в нем выявляется «понятие Европы как исторической телеологии бесконечной цели разума», однако тут же оговаривается, уточняя, что проблема не в самом рационализме, а в тех формах, которые он приобретает в рамках натуралистической установки [Гуссерль, 2000].

Артикуляция выводов из анализа этической проблемы. Заключение

Не согласиться с вышеизложенным заключением Гуссерля мы находим крайне сложным: даже повседневные наблюдения показывают, что европейский человек не в состоянии извлекать практическую выгоду из своего разума. Исторически любые эпистемические системы приходят к краху, и у нас, строго говоря, нет оснований считать это движение научным, социальным или каким-либо другим прогрессом, ввиду того что с качественной точки зрения любая такая система одинакова: все они опираются на принимаемое на веру совпадение представлений с действительностью. В итоге подобное видение приводит к превращению европейца в бэконовского паука, который, запутанный в своей сети, пытается запутать и других, результатом чего становится потеря аксиологических оснований индивида и общества в целом, ведь в такой парадигме мораль базируется на догматическом знании.

Выявленные симптомы аксиологического кризиса в наше время активно проявляются и в intersубъективном пространстве, так как социальное, будучи тесно связанным с индивидуальным, имеет трансцендентальные основания,

а значит, таким же образом подлежит феноменологическому рассмотрению [Смирнова, 2020, с. 92–95]. Итак, продукт этического и эстетического чувств, сакральность человеческой жизни приобретает крепкий духовный фундамент только в том случае, если один человек проникает в жизненный мир другого в виде чистого феномена. В противном случае человек обезличивается, сохраняя разве что свою биологическую и социальную природу. Из интересубъективного мира явлений обезличенный индивид попадает в объективный мир материальных вещей, тем самым перенимая их аксиологический статус чего-то низменного, ничтожного. Такая мысль находит отклик в философско-антропологической модели *homo sacer*, выдвинутой Дж. Агамбенем: жизнь такого человека объективно обесценена по той причине, что общество аннулирует его как субъекта и воспринимает лишь как средство материального мира, от которого можно избавиться при первой возможности: «Человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее отключение» [Кудина, 2013, с. 75], причем отключению здесь подлежит духовная жизнь, которая заменяется биосоциальным существованием.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что ранний феноменологический метод, на наш взгляд, помогает человеку заново обрести моральное чувство. Порой традиционно сложившиеся идолы направляют взор европейца вовне себя, мешая посмотреть внутрь собственного опыта и рассмотреть его как единственный источник реальности. «Зачем так много отрицания, отречения в сердце вашем?» — вопрошает автор на заключительной странице «Сумерков идолов» [Ницше, 2022⁵, с. 349]. Ясно, что в погоне за эфемерными истинами отрицаются в первую очередь те смыслы, из которых состоит сам человек и его система ценностей. Разобранная нами феноменологическая установка позволяет разбить эти идолы ницшеанским молотом, прагматически вынести за скобки все предрассудки и ненадолго вернуться к детскому, чистому мировосприятию. Только так, по всей видимости, европейское общество способно возродить свои моральные интуиции и ценностные ориентиры.

Список источников

1. Зубец О. П. Об этическом смысле понятия ἀρχή [Электронный ресурс] // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 1. С. 49–62. URL: <https://et.iphras.ru/article/view/3392/2453>
2. Терехин Е. Л. Поиск новых типов научной рациональности в условиях антропологического кризиса: релятивистский подход // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 81–85. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-81-85
3. Сокол В. Б. Феноменология познания Э. Гуссерля: проблема окончательного преодоления естественной установки [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2012. Вып. 23. № 4. С. 111–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-poznaniya-e-gusserlya-problema-okonchatelnogo-preodoleniya-estestvennoy-ustanovki?ysclid=lr7gmdr846102948399>

⁵ Из сборника «Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов».

4. Rehberg A. Nietzsche and Phenomenology. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 225 p.
5. Ницше Ф. Воля к власти. М.: АСТ, 2022. 704 с.
6. Кампос А. Д. Ф. Ницше: критика рационального гуманизма [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 1. С. 19–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-nitsshe-kritika-ratsionalnogo-gumanizma?ysclid=lr7fase4ai340428400>
7. Кант И. К вечному миру. Сборник / сост. Б. В. Подрога. М.: РИПОЛ классик, 2023. 434 с.
8. Гаджикурбанов А. Г. Идея человечества в категорическом императиве Канта [Электронный ресурс] // Этическая мысль. 2023. Т. 23, № 2. С. 5–19. URL: <https://et.iphras.ru/article/view/9435/4650>
9. Ницше Ф. Веселая наука (La gaya scienza). СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 352 с.
10. Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М.: АСТ, 2022. 352 с.
11. Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. Популярные лекции по философии. М.: Ленанд, 2022. 240 с.
12. Хондзинский П. В. У. Джеймс в русском академическом богословии нач. XX в. Ч. 2. От многообразия религиозного опыта к мистическому разуму // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 114–125. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-11-114-125>
13. Прокофьев А. В. Обоснование морали в современной эвдемонистической этике [Электронный ресурс] // Этическая мысль. 2020. Т. 20, № 1. С. 32–51. URL: <https://et.iphras.ru/article/view/4843/2956>
14. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Изд. Владимир Даль, 2009. 384 с.
15. Brentano Ф. О будущем философии. Избранные труды. М.: Академический Проект, 2018. 629 с.
16. Селиверстов В. В. Проблема интерпретации интенциональности школой Brentano [Электронный ресурс] // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 2. С. 82–94. URL: <https://pj.iphras.ru/article/view/6413/3358>
17. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест, 2000. 752 с.
18. Антух Г. Г. Философия очевидности в чистой логике Э. Гуссерля [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 217–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-ochevidnosti-v-chistoy-logike-e-gusserlya?ysclid=lr7f987gkt785764561>
19. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Ленанд, 2022. 512 с.
20. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
21. Шиян А. А. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход [Электронный ресурс] // Философский журнал. 2023. Т. 16, № 2. С. 33–39. URL: <https://pj.iphras.ru/article/view/8757/4358>
22. Лаврухин А. В. Предпосылки, проблемы и перспективы гуссерлевского проекта обновления европейского культурного человечества [Электронный ресурс] //

Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2014. № 4. С. 318–329. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-problemy-i-perspektivy-gusserlevskogo-proekta-obnovleniya-evropeyskogo-kulturnogo-chelovechestva?ysclid=lr7fptih3h206709334>

23. Смирнова Н. М., Штыков Д. Р. Онтологический статус социокультурных объектов как предмет феноменологической критики (А. Шюц, Р. Ингарден) [Электронный ресурс] // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 4. С. 89–101. URL: <https://pj.iphras.ru/article/view/5255/3047>

24. Декарт Р. Рассуждение о методе: сборник. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022. 320 с.

25. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: АСТ, 2022. 576 с.

26. Кудина О. М. Оппозиция человека священного (homo sacer) и человека политического в концепции Дж. Агамбена [Электронный ресурс] // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Серия: Актуальные проблемы социогуманитарного знания. 2013. № 4. С. 73–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-cheloveka-svyaschennogo-homo-sacer-i-cheloveka-politicheskogo-v-kontseptsii-dzh-agambena?ysclid=lr7fmh6ro2811715485>

References

1. Zubets, O. P. (2019). On the Ethical Meaning of ἀρχή. *Ethical Thought*, 19 (1), 49–62. (In Russian). Retrieved from <https://et.iphras.ru/article/view/3392/2453>

2. Teryohin, E. L. (2022). The Search for New Types of Scientific Rationality in the Context of Anthropological Crisis: Relativistic Approach. *Problems of Philosophy*, 3, 81–85. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-81-85>

3. Sokol, V. B. (2012). Husserl's Phenomenology of Knowledge: the Problem of Overcoming the Natural Attitude. *Chelyabinsk State University Publishing*, 23 (4), 111–121. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-poznaniya-e-gusserlya-problema-okonchatelnogo-preodoleniya-estestvennoy-ustanovki?ysclid=lr7gmdr846102948399>

4. Rehberg, A. (2011). *Nietzsche and Phenomenology*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 255 p.

5. Nietzsche, F. (2022). *The Will to Power*. Moscow: AST. 352 p. (In Russian).

6. Campos, A. D. (2010). F. Nietzsche: the Critic of Rational Humanism. *Saratov State University Publishing*, 10 (1), 19–25. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/f-nitsshe-kritika-ratsionalnogo-gumanizma?ysclid=lr7fase4ai340428400>

7. Kant, I. (2023). On Perpetual Peace. Collection (compiled by B. V. Podoroga). Moscow: RIPOL classic. 434 p. (In Russian).

8. Gadzhikurbanov, A. G. (2023). The Idea of Humanity in Kant's Categorical Imperative. *Ethical Thought*, 23 (2), 5–19. (In Russian). Retrieved from <https://et.iphras.ru/article/view/9435/4650>

9. Husserl, E. (2000). *The Gay Science*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. 352 p. (In Russian).

10. Nietzsche, F. (2022). *The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols*. Moscow: AST. 352 p. (In Russian).

11. James, W. (2022). *Pragmatism: a New Name for Some Old Ways of Thinking*. Moscow: LENAND. 240 p. (In Russian).
12. Hondzinskiy, P. V. (2023). William James in Russian Academic Theology of the Early XX century. Part 2. *Problems of Philosophy*, 11, 114–125. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-11-114-125>
13. Prokofyev, A. V. (2020). The Justification of Morality in the Contemporary Eudemonistic Ethics. *Ethical Thought*, 20 (1), 32–51. (In Russian). Retrieved from <https://et.iphras.ru/article/view/4843/2956>
14. Heidegger, M. (2009). *Parmenides*. St. Petersburg: Vladimir Dal. 384 p. (In Russian).
15. Brentano, F. (2018). *On the Future of Philosophy. Selected works*. Moscow: Akademicheskij Proekt. 629 p. (In Russian).
16. Seliverstov, V. V. (2021) The Problem of Intentionality in the School of Brentano. *The Philosophy Journal*, 14 (2), 82–94. (In Russian). Retrieved from <https://pj.iphras.ru/article/view/6413/3358>
17. Nietzsche, F. (2021). *Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Philosophy and the Crisis of European man. Philosophy as a Rigorous Science*. Minsk: Harvest. 752 p. (In Russian).
18. Antukh, G. G. (2016). Philosophy of Evidence in E. Husserl's Pure Logic. *Tomsk State University Publishing*, 4, 217–224. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-ochevidnosti-v-chistoy-logike-e-gusserlya?ysclid=lr7f987gkt785764561>
19. Frege, G. (2022). *Logic and Logical Semantics*. Collection. Moscow: Lenand. 512 p. (In Russian)
20. Husserl, E. (2009). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy*. Book 1. Moscow: Akademicheskij Proekt. 489 p. (In Russian).
21. Shiyan, A. A. (2023). Sense as an Objective Integrity: a Phenomenological Approach. *The Philosophy Journal*, 16 (2), 33–39. (In Russian). Retrieved from <https://pj.iphras.ru/article/view/8757/4358>
22. Lavruhin, A. V. (2014). Precondition, Problems and Prospects of Husserl's Project of Renovation of the European Cultural Mankind. *Tomsk State University Publishing*, 4, 318–329. (In Russian).
23. Smirnova, N. M., & Shtykov, D. R. (2020). The Ontological Status of Socio-cultural Entities as an Object of Phenomenological Critique (A. Schutz, R. Ingarden). *The Philosophy Journal*, 13 (4), 89–101. (In Russian). Retrieved from <https://pj.iphras.ru/article/view/5255/3047>
24. Descartes, R. (2022). *Discourse on Method (collection)*. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus. 320. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-problemy-i-perspektivy-gusserlevskogo-proekta-obnovleniya-evropeyskogo-kulturnogo-chelovechestva?ysclid=lr7fptih3h206709334>
25. James, W. (2022). *The Varieties of Religious Experience*. Moscow: AST. 576 p. (In Russian).
26. Kudina, O. M. (2013). On the Contrast between G. Agamben's Concepts of Sacred Man (Homo Sacer) and Political Man. *Vladivostok State University of Economics and Service Publishing*, 4, 73–82. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-cheloveka-svyaschennogo-homo-sacer-i-cheloveka-politicheskogo-v-kontsept-sii-dzh-agambena?ysclid=lr7fmh6ro2811715485>

Информация об авторе / Information about the author:

Бугаев Максим Константинович — аспирант кафедры философских наук Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия.

Bugaev Maksim Konstantinovich — PhD Student of the Department of Philosophy, Faculty of Humanities and Applied Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

max7090@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9050-2060>